Играет простуженный ветер на рваной струне,

Ржавые петли скрипят на разбитом окне,

В артерии города жалом впивается ночь,

Расправь свои крылья и в путь — нам уже не помочь.

Твое сердце не бьется, не читается пульс…

Твое сердце не бьется, и я меняю свой курс

На раскаленное солнце…

На раскаленное солнце…

По грязным подвалам и ямам все давно разбрелись,

Промокшая обувь приводит в движение жизнь,

Ты падаешь в лужу — ты просто не рассчитал,

Заблудшие души проглотит соседний квартал.

Твое сердце не бьется, не читается пульс…

Твое сердце не бьется, и я меняю свой курс

На раскаленное солнце…

На раскаленное солнце…

Я слепну от пыльной дороги, глаза мои — ртуть,

Я делаю шаг — нет сил полной грудью вдохнуть,

Замерзшие пальцы не могут тебя удержать,

Здесь нет победителей — здесь можно только дрожать.

Твое сердце не бьется, не читается пульс…

Твое сердце не бьется, и я меняю свой курс

На раскаленное солнце…

На раскаленное солнце

(С) Город 312

* * *

…Клуб Пони-Плей.

Рейнбоу Дэш Вендар, чемпионка гладиаторской арены, не признавалась сама себе, но каждый вечер старалась задержаться в клубе ради одного: чтобы как можно дольше не возвращаться домой.

Алекс, подсевший на слакс, уже не пытался искать какие-то поводы, чтобы насиловать воспитанницу. Просто следовал приказ, и Дэш, стиснув зубы, вынуждена была подчиняться. Любая форма сопротивления была уже опробована и сломлена.

Ночью клуб не затихал. Наоборот, здесь начиналась основная жизнь, когда запирались двери комнат и гримерок, или просто закрывались ширмы альковов главного зала.

Вслушавшись, можно было различить звуки ночи. Музыка, голоса… ритмичные стоны или взвизги, шлепки или сдавленные хрипы.

Из-за неплотно закрытой двери одной из комнат гладиаторов донесся характерный посвист, хлопок, и последовавший за ним протяжный понячий крик.

Лазурные уши Дэш прижались, а зубы стиснулись в злобе. Хлысты она очень не любила. И когда под ними кричат – тоже.

Познав на себе все «прелести» человеческого отношения, Рейнбоу злорадствовала, когда другие пони получали то же, что и она. Но сейчас это не был звук ее собственного голоса от очередной недорейнбоу, не был и похотливый стон какой-нибудь шлюхи. Не был даже преисполненный удивления и страха вопль очередной попавшей в лапы местных брони целочки с программой EQ в голове.

В этот раз это был тонкий и хрипловатый крик жеребенка.

Второй удар последовал за первым, и вопль повторился, сменившись рыданиями. Дэш не выдержала и, толкнув дверь, заглянула в одну из многочисленных приватных комнат клуба.

Спроси ее кто сейчас, радужная пони, уже прослывшая безжалостной убийцей, не нашла бы ответ, зачем она решила вмешаться, и что смогла бы сделать человеку, развлекающемуся со своей собственностью или заплатившему за все.

Но картина, представшая рубиновым глазам, заставила лишь издать злобный рык.

Привязанный на козлах для порки каурый жеребенок с рыжей гривой не был знаком Рейнбоу. И, в принципе, ничего удивительного в открывшейся картине не было.

Если бы не одно «но».

Над ложем боли, окутанный сиянием кинетического поля, висел хлыст для верховой езды. Что это такое, когда плоский кончик этой мерзости с размаху опускается на живую плоть, Рейнбоу Дэш Вендар знала очень хорошо.

Людей же в комнате не было.

А лишь белый единорог с желтой гривой, известный на арене боевой телекинетик Блюблад Бастини. И плотоядная улыбка не успела пропасть с холеной, хотя и малость изуродованной

шрамом, морды, когда открылась дверь, что не оставляло сомнений в намерениях взрослого жеребца.

Одежды ни на одном из пони не было.

– А, Вендар, – вместо приветствия протянул единорог слащавым голосом, даже не попытавшись прикрыться, – что, хочешь присоединиться?

Он, безусловно, знал, что Рейнбоу терпеть не может секс и все что с ним связано. Ее программа стараниями хозяина сбилась, и теперь любые прикосновения вызывали у Дэш Вендар неудержимое желание наброситься.

– Чтоб тебя, Бастини, – процедила пегаска, – тебе что, мало шлюх из клуба?

Телекинетик не смутился:

– Знаешь, я не осуждаю твои вкусы, и ты в мои не лезь. Как видишь, я нахожу особенную прелесть, флагеллируя маленьких жеребяток прежде, чем…

Рейнбоу почувствовала, как ее крылья воинственно распахиваются, но, судя по слащавой улыбочке Блюблада, он принял это за обычный «крылатый стояк».

– Заткнись! – взорвалась Дэш, не додумав мысль и даже не дав единорогу договорить. – Заткнись и прекрати это немедленно, сука, или я за себя не ручаюсь!

– Не хочешь участвовать, просто прикрой дверь и катись куда шла.

Рейнбоу, пригнув голову, пошла вперед. Взгляд ее не предвещал белому единорогу ничего хорошего. И тот знал об этом, потому что сталкивался с Вендар на арене и знал, на что способна чемпионка.

На жеребенка Дэш не смотрела. Тот только беззвучно плакал, а из двух рубцов на пустом крупе сочилась кровь: Блюблад себя явно не сдерживал.

– Хозяин купил мне этого жеребенка и сказал, что я могу делать что хочу, – быстро проговорил единорог.

Лазурное копыто метнулось вперед и, уткнувшись в шею, заставило здоровенного жеребца встать на дыбы и прислониться к стене.

– Еще раз, Бастини, – процедила Дэш Вендар. – Не трогай жеребят. Трахай шлюх, им за это

платят, но не смей тянуть свои копыта к детям, понял?

Единорог сглотнул, и маслянисто поблескивающие глаза забегали.

– Почему, Дэш? – спросил Блюблад. – Что тебе в этом жеребенке? Раньше я не замечал в тебе жалости к слабым.

– Мне он никто. И мне плевать. Но знаешь, когда я вижу, что ПОНИ уподобляются Алексу Вендару, у меня копыта чешутся убить их. Очень жестоким образом, Бастини.

– Ах, эти комплексы юности, – усмехнулся Блюблад, – как романтично… кхех!

Лазурное копыто уперлось в горло посильнее.

– Помни, сука, – проговорила Дэш, – если я узнаю, что ты измываешься над жеребенком… Бьешь его, насилуешь или как-то еще мучаешь… Вот тебе мое слово, жить тебе осталось до первой нашей встречи на Арене. И ты знаешь, что сирены и статусы боев мне не указ. Мне насрать на штрафной рейтинг, а тебе уже будет все равно.

Блюблад больше не возражал, и только проводил направившуюся на выход пегаску взглядом. Желание продолжить жестокую забаву пропало начисто: все знали, что Рейнбоу Дэш Вендар никогда не бросает слов на ветер…

Когда она проходила мимо жеребенка, тот шумно всхлипнул и тихо сказал:

– Спасибо, Рейнбоу Дэш…

– Отвали, – бросила та, выходя.

Объяснять что-то мелкому она не собиралась. Не собиралась и себе.

А еще она знала, что у Алекса будет теперь лишний повод добавить к вечернему насилию еще что-нибудь типа того же хлыста или сбруи. Или дружка Фрэнки.

Потому что получение жалобы от хозяина Блюблада было лишь вопросом времени.

Но то, что некоторые пони ведут себя совсем как люди в самом худшем смысле этого слова, вызывало в огрубевшей душе непривычное чувство протеста и негодования…

И лишь спустя пару дней Рейнбоу Дэш Вендар узнает, что Блюблад отказался от жеребенка, и хозяин отправил того на «фабрику радуги».

– Ну что, недопонимания больше не будет? – спросил белый единорог, поведав об этом обомлевшей пегаске. – Я хотел спасти этого мелкого от своры мальчишек, и уговорил хозяина его купить… И разве много я хотел взамен? Немного веселья…

Он уходит и не видит, что сжавшая зубы радужная пони еле сдерживает злые слезы…

…Рейнбоу проснулась, вздрогнув от воспоминаний. Слезы выступили и наяву, и пони зло их сморгнула, помотав головой.

В красном свете большого солнца по каньону медленно ползли тени, погружая мир в зловещий багровый сумрак. Тишину нарушало лишь журчание воды и шелест листьев стоящего неподалеку дерева, но Рейнбоу как будто все еще слышала свист и следующий за ним хлопок по живому…

Пони зажмурилась на мгновение, потом покосилась туда, где лежал связанный пленник.

Тот не двигался и, по-видимому, спал.

Дэш вздохнула и подавила желание повернуться на бок: это наверняка бы разбудило мирно спящую Олли, не говоря уже о Гайке.

Пегаска вновь положила голову на скрещенные копыта и закрыла глаза. Какое-то время в ушах стучал собственный пульс, но хотя бы мысли о прошлом удалось отогнать подальше.

Сознание, плывшее по грани сна и яви, вновь стало погружаться в страну грез, но Рейнбоу еще успела подумать о том, что Блюблад Бастини тогда в полной мере поплатился за свою жестокость…

…Когда-то белый, а теперь весь покрытый пылью арены и окровавленный единорог лежит на песке. Рог сломан, и сверху нависает лазурная пегаска в темно-серой броне.

Зеркальное забрало поднимается, и знакомые глаза встречаются взглядом с Блюбладом Бастини.

Тот, прочитав в двух рубиновых огнях собственный смертный приговор, спешно поднимает копыто, извещая о том, что сдается.

Звучит сирена, сигнализирующая об окончании боя, но приставленный к горлу поверженного противника клинок даже не вздрагивает.

– Предупреждала я тебя или нет, ублюдок? – спрашивает Дэш Вендар. – Передавай привет мелкому, сука…

Так и не дождавшись ответа, она вгоняет лезвие в горло жеребца. Копыта гладиатора в очередной раз обагряет фонтан крови, и пегаска не слушает возмущенного ропота толпы брони на трибунах, тревожного сигнала робота-рефери…

Справедливость свершилась. Остальное неважно…

…В этот раз Дэш еле удержалась, чтобы натурально не вскочить.

Она уже поняла, куда ведут эти воспоминания, и смотреть дальше не испытывала ни малейшего желания.

«Раз так, спать больше не буду, – подумала она, – выкуси, гребаный мир глюков!»

К счастью, в этот раз воспоминания не проявлялись наяву, чего Дэш подспудно боялась. Зловещие тени красной ночи медленно ползли по земле и скалам. Как назло, смотреть вокруг было совершенно не на что. Скалы, одинокое дерево, поросль у речки с водопадом. Пегаска, от скуки пересчитав все, что попало в поле зрения, поняла, что ни фига не выспалась, и глаза так и норовят слипнуться.

Слегка шевельнувшись, она добилась лишь того, что устроилась еще удобнее, чем было. А теплая лисичка под боком вообще бессовестно убаюкивала одним своим присутствием.

«Ни за что не буду спать сегодня!» – твердо решила Дэш и опустила голову на скрещенные передние ноги.

Рана отдалась болью, и Рейнбоу, опуская тяжелые веки, подумала, что теперь-то точно не сомкнет глаз до утра…

…Поздний вечер.

Дом Алекса.

Хозяин дома нависает над распятой на топчане Рейнбоу Дэш и кричит на нее, сопровождая каждое слово ударом хлыста по исполосованному крупу с радужной молнией:

– Когда! Ты! Будешь! Слушаться! Судей!

– Когда у тебя хер узлом завяжется, – выплевывает Дэш, после чего следует еще удар, прямо по спине. На пол летит пара сломанных перьев, а чувствительное место возле крыла вспыхивает огнем.

– Кто тебе разрешил убивать в «желтый» бой?! Тебя дисквалифицировали на месяц!

– Он меня… оскорбил, – выдавливает пегаска, стараясь не закричать от боли. – Я не прощаю такого.

Она ждет новой боли, но ее нет.

– Вот как? И что же он сказал тебе?

Рейнбоу усмехается про себя. Все же она уже достаточно знает Алекса, чтобы в мелочах манипулировать им.

Она говорит, тяжело дыша:

– Он сказал… что я неудачница и побеждаю только благодаря тому, что ты сговорился с мистером М. Пришлось… доказать ему обратное.

– Почему убила?

– Он так и не признал, что был неправ.

Больше ударов нет. Рейнбоу молча ждет вердикта, внутренне клокоча от ненависти к хозяину. Сегодня он так рассвирепел, что даже не стал насиловать, а сразу принялся пороть. Впрочем, времени было еще много…

– Хорошо, – говорит Алекс, и Рейнбоу чувствует, как ее отстегивают от ложа. – Считай, что мотивы оправдали тебя в моих глазах. Но за нарушение правил боев ты получила наказание и будешь его получать каждый день этого месяца. Поняла?

Дэш только кивает. Кто бы сомневался, право слово…

– Отправляйся к себе, – бросает Алекс, и Рейнбоу даже не верит своему счастью. – Считай, что

это твоя награда за прогресс.

Радужная пони только у себя в комнате позволяет себе довольно усмехнуться.

Возможно, уже завтра она пожалеет о назначенной администрацией дисквалификации, но главное –сукин сын Блюблад получил свое…

И пусть все знают: Рейнбоу Дэш Вендар держит слово, даже если ей придется потом расплачиваться за это…

Пони снова вскинула голову. Судя по тому, как стало прохладно, большая часть ночи миновала. Да и красноватые тени лежали уже по-другому. Очевидно, прошло довольно много времени.

«Да что же это такое?! – зло подумала Рейнбоу Дэш. – Хватит надо мной издеваться! Я прошла ваше гребаное испытание! Прошла!»

Она чуть не выкрикнула это вслух, но будить попутчиков все равно не хотелось. А то еще придется объяснять, что за вопли в ночи. И ведь не слезут, пока не расскажешь…

Ответа, как водится, не последовало. И оставалось только радоваться, что воспоминания пришли во сне, и не понадобилось никому ничего рассказывать всю историю.

Тем не менее, приподняться с нагретого местечка пришлось. Аккуратно и медленно, чтобы никого не разбудить. Во-первых, пегаску подстегнул подкравшийся зов природы, а во-вторых, нужно было взять одеяло, иначе к утру задубеют все. Ну или по крайней мере те, кто других укутали крыльями, а сами остались открытыми всем ветрам.

Осторожно приподнявшись, чтобы не разбудить Гайку и Олли, Рейнбоу встала и, сходив к вещам, осторожно накрыла спящих попутчиц одеялом. Красное солнце почти не грело, а поднимаемый им (уж непонятно почему) ветер тихо подвывал где-то наверху каньона.

Уже сделав несколько шагов, Дэш вернулась и прихватила второе одеяло, накинув сверху наподобие попоны. От речки тянуло промозглой сыростью, а костер успел погаснуть.

Зайдя на минуту в прибрежные кусты, Рейнбоу бросила взгляд туда, где оставила лежать странного пленника. Вздохнув, она направилась к нему, думая, что попадись странный висельник в начале пути, она даже не притормозила бы, в лучшем случае удостоив идиота презрительным взглядом.

Когда пегаска приблизилась к связанному пленнику, тот открыл глаза, как будто и не спал. К

слову, так оно и могло быть.

В голубом копыте блеснул металл подобранного ножа из первого города-призрака.

Пленник перевел взгляд с глаз Рейнбоу на лезвие, потом обратно. Когда пони сделала шаг вперед, отвел голову в сторону, подставляя горло.

Подошедшая Дэш саркастически хмыкнула и взмахнула клинком. Перерезанная веревка упала на землю, освобождая конечности пленника, в то время как пони молча повернулась и пошла обратно к спальному месту. Нового нападения она не боялась: по себе, что после длительного пребывания в связанном виде не то что драться, двигаться тяжело.

Бывший пленник, копытом вынув импровизированный кляп, удивленно посмотрел вслед отдаляющейся обратно в лагерь Рейнбоу, после чего выдавил только одно слово:

– Почему?

Пони остановилась. И несколько мучительных мгновений молчала.

Потом обернулась, чтобы увидеть на покрытой хитином морде выражение… сочувствия? Без недоумения или ненависти, чего она могла бы ожидать.

В следующее мгновение в бывшего пленника прилетело скомканное одеяло.

– На вот, укройся, – сказала пони, – а то околеешь к утру, и Гайка мне целую нотацию прочтет.

Она уже собралась было вернуться в походную постель, но сзади раздался немного скрипучий голос:

– Постой.

Рейнбоу прикрыла глаза и вздохнула. Похоже, очередного откровенного разговора было не избежать.

Тем не менее, на душе стало немного легче. По крайней мере, пропало это чувство какой-то обидной неправильности, что осталось после посетившего радужную пегаску сна.

К тому же, был лишний повод не засыпать и не видеть очередной кусок наполненного муками прошлого…

* * *

Гайка сквозь чуткий сон спецагента слышала, как Рейнбоу Дэш куда-то ушла, но ей было так хорошо и тепло, что она даже не стала подниматься. А только закуталась посильнее в кем-то заботливо накинутое одеяло, и снова было провалилась в мир грез.

Неожиданно она почувствовала, как ее мягко, но настойчиво пихают в бок.

– Ник, ну еще немножко… – пробормотала мышка, цепляясь за остатки сна, но настойчивые тычки продолжились, а потом что-то шершавое и влажное прошлось по круглому уху.

Сонно захлопав глазами, Гайка села и закономерно увидела перед собой белую лисью мордочку.

Олли качнула носом и посмотрела в сторону. Проследив ее взгляд, Гайка увидела, что в красных сумерках Рейнбоу Дэш сидит и беседует с развязанным пленником, который зябко кутается в запасное одеяло.

Все было ясно и без слов.

Мышка и лисица тихо прокрались поближе, так, чтобы слышать разговор. Какая-то коряга в прибрежных зарослях скрыла их от глаз пегаски и непонятного существа, которые сидели на берегу и вели спокойную беседу.

Судя по всему, давно уже сидели, так как разговор явно шел какое-то время.

…Рейнбоу Дэш театрально закатила глаза и сокрушенно проговорила:

– Вот же ж… Кто бы мог подумать, что я встречу насекомое с замашками священника.

Собеседник пони не обиделся и парировал:

– Я тоже не ожидал, что меня вытащит из петли пегаска-пацанка, после чего попытается сначала утопить, затем избить, а потом связать. Для полного эффекта не хватает того, чтобы меня еще и изнасиловали.

Уши Дэш прижались, выдавая эмоции, и Гайка всерьез забеспокоилось, не дошло бы снова до копытоприкладства. Это существо с такой беспечной легкостью ткнуло в самую глубокую душевную рану радужной пони, что это запросто могло кончиться плохо.

Рейнбоу нахмурилась и явно собралась сказать какую-нибудь грубость, но насекомоподобный собеседник опередил:

– Как хорошо, что ты девочка, а не парень, правда?

– При желании меня бы это хрен остановило, но даже не мечтай, – процедила пегаска.

Она вдруг обернулась, и Гайка с Олли пригнулись за корягой. Мышке вдруг сделалось смешно, и она сказала шепотом:

– Прямо как шпионы. Не знаю как ты, а я раньше столько всего подслушала…

Олли согласно покивала, после чего обе снова высунулись наружу.

– А все же, – сказала тем временем Дэш, – что ты… такое? Пони?

Черный не стал отпираться. Видимо, он уже давал пространный ответ, но тот наверняка не удовлетворил радужную пегаску:

– В мире, из которого я пришел, таких как я называли перевертышами за нашу способность принимать облик иных существ. Чаще всего пони, да. Странно, что ты об этом не знаешь, пегаска…

– Что за хрень, – сказала пони и снова обернулась, заставив Олли и Гайку нырнуть за корягу.

Очертания тела перевертыша вдруг окутались ядовито-зеленым огнем, и в следующий миг рядышком оказались сидящими сразу две Рейнбоу Дэш Вендар. Одинаково мятые, малость взъерошенные со сна, одетые в одну и ту же одежду, и даже повязки на ноге были идентичны.

– Неправда, не настолько я отстойно выгляжу, – надулась пони, скрестив передние ноги на груди. – И вообще, кто тебе разрешил?

Перевертыш молча принял свой прежний облик. Когда же из зеленого сияния вновь проявились черный хитин и бирюзовые глаза, пегаска сказала:

– Можешь звать меня Рейнбоу Дэш.

– Я не слышал о тебе.

– Мне пофиг, веришь, нет?

– Верю. Да и мало ли пони в Эквестрии…

Дэш накрыла мордочку копытом:

– О, только не говори мне, что у тебя это сено в голове.

– Какое? – не понял перевертыш.

– Эквестрийское, – вздохнула Дэш и добавила громче. – Вылезайте уже, шпионы недоделанные! Ты, Гайка, может, и спряталась бы одна, но этот белый хвост ни с чем не спутаешь.

Мышка бросила взгляд на Олли, и та смущенно опустила ушки. Действительно, когда она припадала к земле, так уж получилось, что коряга в виду своего размера не скрывала пышный белый хвост.

Пришлось выходить.

Все расселись кружком, и Рейнбоу подумала, что раз уж все равно все не спят, может быть, стоило бы заново разжечь костер.

С другой стороны, было не то чтобы очень холодно, а тепло от огня будет снова клонить в сон.

Пегаска, видя смущенные мордочки попутчиц, захихикала в копытце:

– Видели бы вы сейчас свои рожи… Ладно. Раз уж мы все тут собрались, давайте, знакомьтесь.

– Я Гайка, – сказала мышка, – а это Олли. Она не умеет разговаривать и…

– Как так? – удивленно перебил перевертыш. – Вы разве не слышите?

Настала очередь Гайки и Рейнбоу Дэш удивленно переглянуться.

– И что она говорит? – поинтересовалась пегаска, вперив взгляд рубиновых глаз в лисицу.

– Конкретно сейчас – ничего, – сказал перевертыш, – но это объясняет, почему вы ее не слушали вчера. Просто не слышите.

Гайке вдруг захотелось расспросить лисичку обо всем. Об этом странном мире, о том, ради чего она встала с ними на один путь и почему рисковала всем, чтобы спасти.

Желание узнать все и о попутчице, и о новом знакомом, охватило мышку настолько, что она даже растерялась в неуверенности, с кого же начать.

Все эти мысли пронеслись в голове за пару секунд, поэтому неловкой паузы так и не возникло.

Но вместо этого мышка пояснила:

– Рейнбоу, я слышала о таких как он. Недавняя разработка от БРТО. Умеют строить голограмму по всему телу.

– Голо-что?.. – в свою очередь удивился перевертыш. – БРТО?.. Впрочем, не важно. А зачем вы вместе идете по этой дороге?

– Идем себе и идем, – буркнула пегаска, старательно придав себе безразличный вид. – По мне, шли бы и дальше, вот только кто-то развесил по деревьям всяких идиотов, а кое-кому другому обязательно нужно сунуть нос не в свое дело... Чего кинулся-то?

Перевертыш перевел взгляд на пегаску.

– Ты сама ответила на вопрос, который задала, – сказал он. – Это была не самая плохая идея, и я не просил вытаскивать меня из этой петли.

Гайка вздрогнула, будто вспомнив о чем-то. Положила ладошку на покрытую черным дырявым хитином ногу и спросила:

– Скажи, кто тебя повесил и за что?

– Я сам, – сказал собеседник. – И да, есть за что.

– И зачем пытаться сделать эту глупость?.. – удивилась Гайка. – Ведь это же… Мир Дорог?

Рейнбоу прянула ушами, но ничего не сказала, наклеив на себя маску невозмутимости. Никто из собеседников не мог знать, но она вспомнила, как сама однажды пыталась свести счеты с жизнью. Как раз после того, как отчаялась хоть как-то вернуть прежнюю жизнь, до первого изнасилования.

Не то чтобы радостную, полную боли и испытаний, но все же Дэш была вынуждена была признать, что очень многим обязана хозяину…

Рейнбоу давно уже смирилась с фактом, что Алекс из мудрого и строгого наставника превратился в похотливое чудовище.

Она пыталась что-то делать с этим: терпеть, взывать к милосердию, бороться и даже бежать. Но ничего не работало. Умолять о чем-то человека, твердо решившего развлечься с беспомощной пегаской, оказалось бесполезно. Терпения не хватало, сопротивление ломалось, а побег кончился лишь жестоким наказанием.

В этот день Дэш была в доме одна. Алекс уехал в гости к другу, в клубе боев не было, а для праздного шатания по улицам пони была слишком измотана вчерашним вечером: хозяин накануне уже третий раз подряд изнасиловал ее, и Рейнбоу пришлось еще хуже, чем обычно: ничего не успевало зажить.

Что-то бубнил включенный телевизор, но голубая пегаска таращилась в экран, ничего не видя перед собой и не слушая информационный мусор.

Сегодня она, оставленная дома на самостоятельную подготовку, попросту пренебрегла режимом и весь день провела в раздумьях.

«Не могу больше, – вдруг резанула мысль, как будто подводя черту. – Как там в кино было… Мое тело больше не его храм!»

Опустив голову, пони поплелась в ванную. Ее уже посещали подобные мысли, особенно во время и сразу после наказаний.

Сейчас как никогда стало заметно, насколько боль, страх и, главное, бессилие что-то изменить подкосили когда-то энергичную, веселую и гордую пони-спортсменку. Футболка и шорты не могли больше скрывать многочисленные шрамы, в хрипловатом мальчишеском голосе пропал привычный задор, и даже в рубиновых глазах будто погасли прежние озорные искорки.

Полюбовавшись на себя в зеркало, Дэш Вендар вздохнула и включила воду.

Сердце тревожно колотилось в груди: она собиралась трусливо бежать от своей жизни, в одночасье превратившейся в кошмар, когда ни один день больше не проходил без боли, унижения и ужаса.

По мнению Дэш, это было слишком. Даже для такой пони как она.

Раздевшись и погрузившись в горячую воду, Рейнбоу еще раз все обдумала, взяв копытом с тумбы принесенный с собой кухонный нож. Если верить урокам анатомии, нужно было разрезать вену на передней ноге вдоль, а вода не даст крови свернуться. Потом будет головокружение, слабость, эйфория и, наконец – сладостное забвение.

Звучало неплохо.

Раньше Дэш думала было спрыгнуть с платформы, на которой расположился их жилой квартал, или просто сложить крылья в полете, но… связывать полет и смерть не хотелось. Кроме того, пегаска отнюдь не была уверена, что в последний момент рефлекторно не раскроет крылья.

Мысль же о том, чтобы СВЯЗАТЬ себя, повергала просто в ужас.

Особенных душевных терзаний по поводу предстоящего суицида пони не испытывала: религии никогда не были тем, что Алекс преподавал бы своей воспитаннице. Да и сама она не считала чем-то стоящим веру в сверхъестественное: были дела поважнее. Например, тренировки.

«В крайнем случае, встречу там Твайлайт МакАлистер, – подумала пегаска и горько усмехнулась. – Вот кому уши надо накрутить!»

Нож коснулся лазурной шкурки, и через пегаску будто пропустили ток: по всему телу прошла дрожь, а шерстка даже встала дыбом.

Лезвие чуть надавило, но не проткнуло. Дэш, тяжело дыша и прижав уши, чувствовала себя так, будто пыталась загнать нож в сверхплотную резину.

– Ну что же ты, Рейнбоу, – сказала она самой себе, – давай!

Она попыталась еще раз. И еще. И еще. Но в последний момент всегда из ноги как будто уходили все силы. Пегаска не знала, но именно так проявлял себя соответствующий скрипт поведенческой программы: запрет на самоубийство.

Огромные глаза наполнились слезами.

– Ну же! Размазня! Тряпка! – закричала Дэш себе. – Соберись!

Нож снова и снова начинал колоть лазурную шкурку, но все чего пегаска добилась – это мелкая царапинка чуть пониже копыта. А потом, словно гром среди ясного неба, раздался звук открывшейся входной двери.

– О нет, – прошептала пегаска и предприняла новую отчаянную попытку, – нет-нет-нет!

– Рейнбоу, я дома! – раздался голос Алекса Вендара, чуть не заставив пони вздрогнуть.

– Я… в ванной! – отозвалась она, лихорадочно ища выход из сложившейся ситуации.

Снаружи раздались приближающиеся шаги.

Дверь открылась: в доме Алекса для него никогда не было запертых замков.

Взору предстала Рейнбоу, лежащая в исходящей паром ванне на животе и широко улыбающаяся.

– Ты чего это среди дня в ванну залезла? – немного удивленно спросил человек. – Да еще такую горячую?

– Я это… – замялась Дэш. – Так устала на тренировке, что решила немного расслабить мышцы. Агась.

Алекс нахмурился. Ему категорически не нравилось, когда Рейнбоу говорила неправду, а судя по бегающим глазам, дергающимся ушам и дрожи в голосе, пегаска отчаянно врала.

Да и эквестрийские пони в целом были никудышными врушками: уж очень хорошо все отображалось в огромных глазах и на мордочке.

– Дэш, ты что… клопаешь? – спросил Алекс первое, что пришло в голову.

Рейнбоу, чуть не подпрыгнув, выпалила, мгновенно расправив крылья и подняв тучу брызг:

– Нет! Конечно нет! Ты что, Алекс, я же помню как ты… к копытоблудству относишься!

– Встать, – последовала короткая команда. – Что-то я тебе не верю.

– Ну Алекс! – в голосе пегаски послышалась полная паника.

– Сейчас же, Дэши, и не заставляй меня повторять. У меня гости, и я совершенно не настроен сейчас пререкаться с тобой.

Рейнбоу, понимая, что сопротивление бесполезно, поднялась на ноги. Алекс, бесцеремонно задрав радужный хвост, к вящему удивлению убедился в правдивости слов пегаски.

Но то, как она нервно переступала на месте, словно специально перекрывая человеку обзор, наводило на мысли.

Алекс, сделав непринужденное движение, резко изменил угол обзора и увидел, что на дне ванны лежит кухонный нож.

– Что это значит, Дэш? – спросил человек, отпуская хвост пегаски и показывая вниз.

Отчаянно покрасневшая пегаска опустила голову.

Все. Конец.

– Алекс, ты скоро там? – раздался мужской голос, и ванную сунулся еще один человек.

Почти такой же накачанный, как хозяин дома, только лысый и пониже ростом.

– Полюбуйся только, Фрэнк, – произнес Вендар ледяным тоном, – на это жалкое зрелище.

– Почему жалкое? – спросил гость и окинул поняшу оценивающим взглядом. – Мне нравится.

– Кажется, она хотела вскрыть себе вены.

– Да ладно? – в голосе Фрэнка послышалось удивление. – Поняшка – и суицид? Никогда не верил.

– Как видишь, – Алекс вынул из ванны мокрый нож и показал своему приятелю, после чего повернулся обратно к Дэш, которой сейчас больше всего на свете хотелось провалиться сквозь землю. – Есть что сказать в свое оправдание?

Рейнбоу только покачала головой. Ей вдруг стало настолько все равно, что сил не осталось ни на оправдания, ни на ложь.

– Вылезай и иди в зал, – велел Алекс. – Сегодня ты заслужила особенное наказание.

Когда люди вышли, пегаска позволила себе беззвучно разрыдаться. Окажись у нее нож сейчас, возможно, она бы и вправду нашла в себе силы нанести удар, лишь бы не терпеть снова жестокую экзекуцию и насилие.

«Ну не зажило же еще толком ничего!» – мысленно крикнула вслед людям пони, понимая, что мольбы все равно бесполезны.

Снаружи донеслись голоса:

– Не боишься, что она в твое отсутствие все же что-то сделает с собой? – спросил Фрэнк.

– Нет, – спокойно и уверенно отозвался Алекс. – У нее духу не хватит.

Рейнбоу Дэш с новой силой расплакалась. От бессилия, обреченности и страха…

Из воспоминаний выдернул взгляд бирюзовых глаз, уставившийся на пегаску, и та было подумала невероятное: что странный пони догадался, о чем она думает…

«А если и вправду?!» – мелькнула мысль, и Дэш включилась в разговор, чтобы скрыть чувства и сменить тему:

– А ты ведь так и не представился.

– Точно, – навострила уши Гайка и вопросительно уставилась на перевертыша.

– Мое имя сложно произнести в привычных вам звуках. И не нужно прозвищ – в мире Дорог это может иметь слишком большие последствия.

– Ой-ой, – саркастически посокрушалась Дэш, – и это говорит тот, кто недавно хотел повеситься? Будешь у нас…

Гайка, встряв в разговор во избежание конфликта, спросила:

– Если не хочешь представиться, скажи… ты сам Идущий? Где твоя дорога?

Тут у перевертыша сделался такой снисходительный тон, что Рейнбоу захотелось его снова пнуть. Или мокнуть в речку. А может, сначала одно, потом другое.

– Маленькая мышка с добрым сердцем, я хочу выбраться из петли. И как это ни странно, для этого мне нужна веревка и ветка покрепче. Так что идите, куда шли, и оставьте меня одного…

За разговором собеседники и не заметили, как белая лиса отошла в сторону.

Когда же Гайка вдруг вспомнила о ней и огляделась, белая лисица обнаружилась в десятке метров, куда-то внимательно всматривающаяся.

Проследив взгляд мышки, туда же посмотрели Дэш и перевертыш.

В следующее мгновение Олли резко прыгнула вперед, уткнувшись носом в землю. А когда подняла мордочку, в зубах стало видно какого-то вырывающегося грызуна, сплошь покрытого бурой шерсткой. Рейнбоу Дэш никогда таких не видела, а Гайка бы сравнила существо, пожалуй, с тушканчиком.

– Кажется, кто-то решил перекусить, – заметил перевертыш.

Дэш отвернулась. Смотреть, как в лисьей пасти исчезает степной грызун, не хотелось. Но когда прошло несколько мучительно долгих секунд, а влажного хруста и последнего писка так и не раздалось, пони снова посмотрела на сцену охоты.

Олли все еще медлила, но грызун, почуяв слабину, как-то немыслимо извернулся и, видимо, укусил лису за нос. Потому что та с писком отдернулась и, выронив тут же смотавшуюся добычу, шлепнулась на задницу, прикрывая мордочку передними лапами.

– Вот такая у нас компания собралась, – подвела итог Дэш. – Новоявленный мессия, который вместо того, чтобы спасти – угробил свой мир. Маленькая шпионка, которая всю жизнь узнавала чужие секреты, но столкнувшись с собственным прошлым, она не хочет ничего знать и слышать. Хищница, которая не в состоянии оборвать жизнь другого, даже несмотря на то, что у нее есть на это все возможности. И бывшая гладиатор, которую настолько тошнит от убийства, что она плавно превращается в плюшку-игрушку.

– Уж что есть, – улыбнулась Гайка и положила ладошку на покрытую хитином ногу. – Не знаю, что у тебя произошло и как ты мог сгубить целый мир… Но что бы там ни было, суицид ничего не исправит. И как знать, не окажешься ли ты в еще менее приспособленном для ответов месте, нежели этот странный мир? Нам все говорят, что тут мы получим их… И раз уж встретились, то можем знать что-то нужное друг другу, сами того не подозревая.

Как оказалось, перевертыш умеет улыбаться. Правда, улыбка все равно вышла невеселой и даже снисходительной:

– Эк у тебя все просто получается, маленькая мышка. Мне не нужны ответы. Ни в этом мире, ни в каком бы то ни было еще. Я – виновен. И я сам себя уже давно приговорил. Так что послушай свою подругу, и идите дальше по своей дороге, куда бы она вас ни привела.

Дэш усмехнулась, хотя ее сердце на самом деле сжалось от сочувствия. Немного стыдясь своего приступа лицемерия, она посоветовала перевертышу:

– Лучше расскажи ей. А то не отвяжется.

Голубоватые глаза снова устремились на Дэш. И посмотрели столь пристально, что пегаске вновь стало не по себе.

– Хорошо, – согласился, наконец, перевертыш. – Я расскажу. В общих чертах. Но после этого вы оставите меня одного, договорились?

– Ломается, блин, как целочка из Эквестрии!.. – фыркнула Дэш.

Перевертыш ощутимо вздрогнул при этих словах, но все же с нажимом уточнил:

– Я – говорю, вы – уходите?

– Да колись ты уже! – не выдержала пегаска. – Харѐ из себя Флаттершай строить!

Собеседник вздохнул, будто думая, не настоять ли все же на своем, но, встретив взгляд пони, начал рассказывать.

– Когда-то давно… Там были… такие существа, которые стремились заполучить власть. И даже сокровища им были не так важны, как ощущение всемогущества. Но страшным было вовсе не это, а то, что, совершая безумие, они слепо верили, что творят правое дело…

– Пфе, этих существ называют «человеки», если ты еще не в курсе, – вставила Дэш.

Перевертыш почесал в затылке и пожал плечами:

– …что ж, коль вам так будет легче… Они были немногочисленны. У одного было семейство. Как оказалось, несчастное. Но это не помешало его дочери освободить меня, когда, казалось бы, часы моей жизни сочтены. Поначалу она выглядела уверенной и сильной, но за этим всем… скрывалось лишь желание завоевать внимание. И если не отца, то хоть кого-то. Но ее не замечали. И у нее было множество идей, а главное – желание действовать. И я, дурак, купился на это. Каждую мысль, каждое мое слово она извращала, уродовала и использовала во зло… утешала себя страданиями других, веря, что действует во благо. Прямо как ее отец…

Рейнбоу хотела что-то сказать, но и Гайка, и Олли будто заметили это и одновременно бросили на пони такие взгляды, что та прикусила язык.

Перевертыш, тем временем, продолжил:

– В конце концов дошло до того, что она погубила то общество, в котором когда-то состоял ее отец. Причем не лично, а натравив на них кое-кого посильнее. Тех, кого они постоянно водили за нос. Она рассказала им правду, а дальше все превратилось в бойню. Распалось все, что могло распасться, страна была на грани катастрофы, но жители и не догадывались об этом. Все происходило в тайне. Она надевала маску и выдумывала объяснение истории, превращая ее в легенду и возвеличивая тех, кто за спиной творил хаос. В том числе она восхваляла и себя. Отчаянный обман год за годом перерастал в нечто невообразимое. Даже не знаю, как ей удалось удержать на нем все свои деяния… начавшиеся с моего спасения. Уж кто бы мог подумать, что я захочу вернуть тот момент, пожелав умереть там. Лучше быть убитым за то, что не совершал, чем видеть, что произошло из-за тебя и не мочь изменить это… Так или иначе, она ловко вертела мной, и получив власть, превратила весь мир в настоящую клоаку, полную боли, смерти и пороков…

– Когда строили Гигаполисы, – заметила Дэш, – ни о каких перевертышах в БРТО еще и не думали. Синтетов-людей, и то создавали еще в виде прототипов.

– Не знаю, о чем ты, – ответил перевертыш. – Осознав, к чему привели мои поступки, пусть и косвенно, я покончил с собой в том мире.

Повисла пауза. Рассказ закончился, и каждый из присутствующих думал, как ему реагировать. Дэш изо всех сил хотелось убежать от носителя такой ноши, Гайка задавалась вопросом, чем же помочь этому странному существу, а что думала Олли, никто не знал.

– …Ну а теперь, получив долгожданные ответы, ступайте своей дорогой, – нарушил молчание перевертыш. – Мне больше нечего вам сказать.

– Если уж ты в этом мире, – сказала Гайка, – то ты должен что-то сделать, прежде чем отправишься дальше…

– Да брось, – встряла Дэш, старательно пытаясь придать своему голосу насмешливый тон, – ему по силам лишь упиваться собственной никчемностью и думать, что его отправят куда-то в лучшее место, чем эта гребаная дорога…

Она прервалась, когда почувствовала касание пушистого хвоста. Олли, задев Дэш, подошла к перевертышу и села рядом.

Тот, глядя в землю, скрипнул зубами:

– Я пытался все исправить, но не смог, понимаете вы или нет?! Я смог переступить через себя и перестал помогать… тем, кто уничтожил мой дом. Это привело к еще большей катастрофе. И сейчас, идя по этому миру, я вижу прошлое своего. Раз за разом переживая ошибки, совершенные тогда. Так скажи мне, что бы ты сделала на моем месте? Смогла бы жить дальше, улыбаться каждый раз, глядя по утрам в отражающую гладь озера, и убеждать себя, что все в порядке? Смогла бы?

Рейнбоу, истинные чувства которой отличались от показанных, демонстративно фыркнула:

– Вся моя гребаная жизнь – ошибка. В которую меня этот мир тоже раз за разом окунает носом. Но лично я хочу посмотреть, что в конце. И плюнуть в рожу тому, кто это придумал.

Гайка возмутилась:

– Дэш!

Но пегаска лишь выжидательно посмотрела на перевертыша.

– И только ради этого? – вкрадчивым голосом поинтересовался тот. – Прийти, сказать, что все не правы, и нагадить на ковер в знак протеста? Детский сад какой-то…

Дэш, крылья которой сделали попытку распахнуться от гнева, вдруг поперхнулась словами, которые намеревалась произнести.

Так как тихий гул, на который никто было не обратил внимания, вдруг превратился в нарастающий грохот, что только и бывает при…

– Обва-ал! – завопила Рейнбоу, срываясь с места.

Никто больше ничего не успел сделать. Гайка почувствовала, как зубы пони схватили ее за шиворот, после чего пегаска со всех ног кинулась прочь из импровизированного лагеря, подальше от крутой стены и поближе к пологой.

Падающие сверху камни и грязь закрыли проникающий в каньон свет, тут же погрузив мир в зловещие сумерки.

Рейнбоу Дэш, сжимая в зубах ворот мышкиного комбинезона, неслась к границе растущей тени, думая лишь о том, что более беспощадной вещи, чем гравитация, в мире просто не может быть. Ни в том, ни в этом, и вообще ни в каком.

Просто чувствуя затылком приближающуюся массу камней и земли, пегаска глухо взвыла от первобытного ужаса прямо сквозь судорожно сжатые зубы. Рывку Дэш сейчас бы поаплодировал бы и Алекс Вендар. Никогда еще его бывшая подопечная не проявляла столь всепоглощающего рвения, продиктованного простым желанием выжить.

Все происходящее заняло всего пару мгновений, которые показались пегаске заполненными чудовищным напряжением минутами.

Когда же камни и земля все же обрушились на дно каньона, Рейнбоу обессилено упала на дорогу, стараясь не думать о том, что рана под повязкой опять будет кровоточить.

Пони и Гайка закашлялись от забившей носы и рты пыли, которая, впрочем, довольно быстро осела.

Миру явилась картина относительно небольшого, но все равно внушительного завала, под которым теперь находился лагерь попутчиков вместе со всеми вещами.

– Ну зашибись, – буркнула радужная пони.

– Олли! – крикнула Гайка, тряся Дэш за здоровую ногу. – Скорее, она же там…

– Ее раздавило, – вздохнула пегаска, – смотри, сколько камней.

Гайка не слушала. Дэш, проводив ее взглядом, вздохнула и похромала следом: бешеный рывок ради спасения заставил полученную рану вновь разболеться.

Подойдя к судорожно раскидывающей мелкие камни мышке, пони спросила:

– Ну и зачем?

– Их надо откопать! – в полном отчаянии крикнула Гайка. – Хотя бы… чтобы… похоронить…

Ее голос надломился, а по покрытому пылью лицу текли слезы, превращаясь в грязь.

Рейнбоу Дэш опустила уши. Ей было неимоверно жаль белую лисичку, а еще – идиота-перевертыша, пусть тот и хотел умереть. Но признаваться в этом пони даже не думала.

– Не надо, – сказала она вслух. – И так курган, достойный королей.

Произнеся эту фразу из какого-то древнего фильма, она сразу пожалела об этом, а Гайка, прекратив копать, обернулась:

– Почему ты спасла только меня?! – почти крикнула она. – Почему?!

Дэш, в груди которой поднялось было возмущение какими-то претензиями после спасения, нашла в себе силы совладать с собой и ответить спокойно:

– Потому что ты стояла ближе, а с больной ногой и без работающих крыльев я не успевала схватить обеих, – пони сделала паузу, опустила взгляд и все же добавила неожиданно для себя: – Прости.

– Помоги мне!

С этими словами Гайка бросилась и дальше откидывать небольшие камни и влажную землю. Очевидно, то ли недавний дождь, то ли водопад подточили стену каньона, и часть ее рухнула вниз аккурат в тот момент, когда внизу оказались Идущие.

«Никакой опасности, ага, – саркастически подумала Рейнбоу Дэш. – Разве чудовища, пустыни и обвалы – это опасность? Конечно, нет! Как можно подумать о таком!..»

Она принялась копытом на здоровой ноге помогать мышке там, где, казалось, сидел перевертыш…

Рейнбоу старательно гнала мысль о том, что они увидят, если найдут хоть что-то. И хотя ей не впервой было видеть кровь и трупы, в том числе собственнокопытно организованные, вид двух раздавленных тел не шел из головы.

Наконец, подкованное копыто коснулось чего-то отличного от земли и камней. Скосив взгляд, Дэш увидела кусок черного хитина, поверх которого еще можно было заметить обрывок прозрачного крыла.

Пегаска уже хотела было позвать Гайку, что старалась разгрести завал чуть в стороне, но в это время хитиновая пластинка шевельнулась…

Рейнбоу Дэш подумала, что произошедшее чертовски несправедливо. Тот, кто хотел умереть, выжил, в то время как добрая лиса погибла под обвалом. И пусть тут не было таких уж крупных камней, их количество вполне компенсировало малый размер.

Не каждый день тебе на голову сыплется тонна-другая щебня и глины.

– Гайка! – позвала Дэш. – Нашла!

Мышка, спотыкаясь и всхлипывая, подбежала к пегаске, которая спешно расширяла яму копытами, забыв даже о ране.

Не прошло и минуты, как в облаке пыли и земли над поверхность вынырнула судорожно вздохнувшая голова перевертыша, сплошь покрытая грязью. А рядом с ней – когда-то белая мордочка лисицы, вполне себе живой.

– Олли! – Гайка бросилась прямо в яму, чтобы повиснуть на мохнатой шее.

Послышались всхлипывания.

Рейнбоу тем временем помогла перевертышу выбраться из ямы. Судя по всему, тот попросту прикрыл лисицу от обвала собственным телом, приняв удар каменно-земляной массы и при этом поплатившись лишь хрупкими крыльями. И как только тонкие ноги выдержали такой удар?

Дэш посетила мысль, что если хрупкие стрекозиные крылышки не регенерируют, то теперь этот насекомообразный пони обречен до конца жизни ходить по земле.

«Себе посочувствуй, пешкодрал», – зло подумала Рейнбоу, вытаскивая тощее тело из разлома.

– Есть мнение, – сказала она вслух, – что надо отсюда валить.

– А вещи? – спросил перевертыш. – Вы не будете их откапывать?

– В сено, – сказала Дэш. – Не хочу, чтобы на нас еще что-нибудь обрушилось…

– Тогда нам придется вернуться, – резюмировала Гайка, так и не отпустившая шею белой лисы.

Та, к слову, выбравшись из дыры, подошла к перевертышу и благодарно лизнула его в щеку. Тот в ответ неловко погладил лисицу.

– Даже не знаю, что и хуже, – мрачно пробурчала пони, – рыться в земле тут в поисках сумок и ожидании очередного обвала, или вернуться в ту дыру…

Те остатки хорошего впечатления от каньона, что еще оставались, испарились окончательно при одной только мысли о том, что здесь могут быть ненадежные стены.

– Ну вот не надо, – Гайка укоризненно посмотрела на пегаску. – Милый городок с добрыми людьми.

– И кому же придется копать? – ворчливо поинтересовалась пони. – Конечно той, кто подходит по размеру…

Впрочем, ворчание оказалось напрасным. Одна сумка оказалась совсем рядом с перевертышем. Где лежали спальники, Дэш тоже помнила, и, в конце концов, почти все вещи были спасены. Все стало грязным и местами смятым массой камней и земли, что сползли откуда-то сверху, но в целом, не пострадало. Разве что часть провианта превратилась в кашу.

Перевертыш, надо отдать ему должное, участвовал в раскопках вместе с остальными.

Никто не хотел задерживаться, но сполоснуться и хоть как-то отмыть вещи в реке все же пришлось. Олли так вообще утратила белый цвет и стала какой-то серо-бурой.

Когда все сидели вокруг заново разожженного костра (на этот раз далеко от стен, чтобы ничто не могло снова рухнуть сверху), Гайка сказала, обращаясь к перевертышу:

– Ты теперь не можешь умирать. У тебя появилось дело.

– Какое еще дело? – поинтересовался тот.

Гайка поплотнее закуталась в лоскут ткани, который служил ей одеялом. Ее универсальный комбинезон висел на рогульках у костра и сох.

Рейнбоу же сушила одежду прямо на теле. Простуда ей грозила наравне со всеми, но пони не хотела раздеваться при перевертыше. Оставалось надеяться на иммунитет: в свое время хозяин заставлял закаляться, да и сама природа пегасов была такова, что они переносили холод лучше остальных пони. В конце концов, в небе достаточно холодно, если подняться повыше.

– Ты спас жизнь, – пояснила Гайка, оторвавшись от размышлений. – Теперь ты за нее ответственен.

Перевертыш переглянулся с белой лисицей. Та склонила на бок ушастую голову, не отрывая взгляд, и насекомообразный пони впервые выглядел… растерянным.

– Когда-то давно, – сказала Гайка, – я тоже жила в клетке. Наш малолетний хозяин был жесток и капризен, и убивал с безнаказанной легкостью…

– Твоя клетка состояла из неволи, – перебил перевертыш, – а моя – из собственных суждений.

– Я к тому и веду, – кивнула мышка. – Мой учитель как-то сказал, что если ты считаешь себя виновным в чьей-то гибели, то должен спасти столько же жизней.

– Но я виновен в гибели многих тысяч! – перевертыш чуть не подпрыгнул.

Дэш, которую посетила мысль подыграть, с деланным сочувствием произнесла:

– В таком случае у тебя много работы, – она перевела взгляд на Олли. – И первой твоей задачей станет оберегать вот эту противную лисицу, которая на самом деле говорящая.

– Дэш! – возмутилась Гайка.

– Ну а что? – сварливо уперлась пони. – Она могла бы хоть написать что-нибудь. Или ты неграмотная?

Лиса смущенно опустила ушки и лапкой написала в пыли корявое «нет».

– Вот, – кивнула Рейнбоу, – а все туда же. Таинственный проводник, тоже мне!

Олли смущенно опустила голову.

«Уела!» – мысленно поздравила себя Дэш, но перевод немых слов лисы оказался совсем не таким, как ожидала пони:

– Она говорит, что ты не прислушиваешься к существам, которые обладают голосом, куда уж

ей пытаться что-то донести…

– Хватит нести околесицу, – оборвала пегаска, чувствуя, как у нее краснеют щеки. – Ты лучше сам скажи, у тебя крылья отрастут?

– Да, – ответил перевертыш. – Они довольно хрупки и треплются, так что меняются время от времени. И вовсе сказанное не околесица… Знаешь, выходит, и вправду что-то такое.

Белая лисица, приподнявшись, снова лизнула перевертыша в щеку.

«Понячьи нежности», – подумала Рейнбоу и еле сдержалась, чтобы не поморщиться.

– Вот интересно, – сказала она вслух, – а что было бы, не успей я увернуться от обвала? Или если бы, скажем, волк добрался бы до моей глотки?.. Мы ведь уже мертвы, не так ли?

Он обвела взглядом всех присутствующих в ожидании ответа, но, похоже, в данном случае помочь было некому.

– Вы удержали меня от получения ответа на этот вопрос, – заметил перевертыш.

Олли тявкнула, сидя рядом, и несостоявшийся висельник поспешил добавить под взглядом укоризненных глаз:

– Нет-нет, не собираюсь. Я ведь теперь отвечаю за тебя.

Лиса успокоилась, а Гайка улыбнулась и сказала:

– Думаю, это вопрос веры, так же, как и в прошлой жизни. Наверняка есть еще много миров, помимо этого…

Дэш вдруг захихикала, глядя на всю компанию. Гайка, уловившая в смехе пони истерические нотки, переглянулась с перевертышем и лисой. Те, судя по выражению мордочек, думали в похожем ключе.

Тем временем Рейнбоу, утерев выступившие было слезы, покачала головой и сказала:

– Нет, мне определенно нужна ковбойская шляпа и пара револьверов…

…Они вышли из ущелья, и впереди распростерлись уже привычные пологие холмы и степь, уходящая вдаль. Сухой ветер, словно прогоняя остатки красной ночи под светом желтого солнца, растрепал волосы путников (у кого они были), и Дэш, подставив солнечным лучам

мордочку, подумала, что ей снова мучительно не хватает неба.

Она подавила желание расправить крылья и попробовать антиграв. Только не при этом черном. Даже неизвестно, что хуже получится: засвидетельствовать собственную несостоятельность в полетах или победно взмыть на глазах у того, кто только что потерял свои крылья.

В животе Дэш громко заурчало. Пегаска прижала уши, чувствуя, как краснеют щеки, но никто не стал смеяться.

– Давайте отойдем подальше, – предложила Гайка, – и уже там поедим. Раз уж завтрак мы пропустили… Можем сжевать что-нибудь на ходу.

Рейнбоу вдруг посетила мысль. У перевертыша во рту торчали довольно внушительные клыки, и за все время он ни разу не заикнулся о еде.

– А ты плотоядный? – в лоб спросила пегаска, с прищуром глянув на нового попутчика.

– Всеядный, – не стал отпираться тот, – но мне требуется в разы меньше обычной пищи. Не берите в голову, все равно тут еды для меня нет. Я могу с тем же успехом питаться как пони. Какое-то время…

…Как назло, подходящее место для привала не попадалось довольно долго. Пустынная степь, почти голые холмы и ни одного родничка. Рейнбоу, сжевав на ходу некоторое количество сухарей и сухофруктов, думала уже, что предстоит новый утомительный переход до оазиса.

На ходу говорили мало: экономили воду и не хотели глотать пыль. Белая лисичка, которой из-за потревоженной во время обвала раны было тяжело идти наравне с пони, вскоре воспользовалась рыцарским предложением перевертыша ехать на нем, и темп немного увеличился.

Дэш по этому поводу ничего не сказала, тем более уже прошла этот этап, когда ее раздражала мысль о возможности послужить транспортом. В конце концов, генетическими предками «хасбровских» пони послужили лошади. Вернее, карликовые лошадки фалабеллы, но какая разница.

Желтое солнце уже прошло по небу солидный участок и скоро должно было начать клониться к закату, как впереди показался зеленеющий островок среди высушенной степи.

– Бинго! – радостно сказала пегаска, показав вперед. – Скоро отдохнем!

Мысли о горячем обеде, или, скорее, уже раннем ужине, а также о сочной, напитавшейся водой траве и листьях, снова заставили понячий животик требовательно заурчать.

– Наконец-то, – сказал перевертыш хрипло.

Чувствовалось, что ему куда тяжелее, чем кажется. Мало того, что приходилось экономить воду и идти с грузом, так еще черный панцирь притягивал жаркие лучи не хуже кожаной одежды Дэш. Но у пегаски оставались открытыми голова и ноги, а перевертыш был целиком покрыт природной броней, которая спасла ему жизнь во время обвала, но вот в длительном переходе стала обузой.

На предложение же превратиться во что-то не такое черное, перевертыш ответил, что поддержание облика тратит силы еще быстрее, чем беготня в жару. И без постоянной и обильной подпитки просто того не стоит.

Островок зелени оказался оазисом вокруг небольшого водоема, приютившегося у подмытого с одной стороны холма. Родники подточили один из склонов, образовав обрыв и озеро, берега которого поросли жадной до влаги растительностью.

Вскоре был разожжен костер, согрет ужин, а Рейнбоу Дэш еще и от души налупилась прибрежной осокой и какими-то кувшинками. «Просто для объема», как пояснила она, так как пища для понячьего организма и впрямь была «пустоватой».

Когда же ужин закончился, и вся компания расселась и разлеглась вокруг догорающего огня, Гайка сказала:

– Кажется, нам настало время поговорить.

– Кому это – «нам»? – насторожилась Дэш.

– Нам с тобой и Олли. Разу уж мы теперь можем ее слушать… – мышка бросила на лисичку многозначительный взгляд, и та смущенно опустила уши.

– Вот между собой и поговорите, – проворчала Дэш, берясь за спальник, – а эту пони уже достали разговоры по душам, видения о прошлом, чудовища, обвалы, оборотни и прочая хрень. Поэтому я отправляюсь спать.

Гайка уже собралась было возразить, что еще совсем не поздно, но пегаска решительно пресекла эту попытку:

– Ни слова! Делайте что хотите, но завтра МОИМ ногам идти по дороге, я устала, передергалась и не намерена полночи чесать языком о том, на что мне ПОФИГ!

С этими словами она резким движением залезла в спальник и демонстративно повернулась спиной к костру, давая понять, что разговор окончен.

Гайка вздохнула и сказала:

– Спокойной ночи. Мы тебе не помешаем?

Рейнбоу Дэш что-то невнятно пробормотала, но явно раздраженно, и мышка сочла за благо не длить конфликт, переспрашивая.

Гайка повернулась к оставшимся попутчикам:

– Видимо, нет… Олли, можешь рассказать, откуда ты?..

Перевертыш, который переглянулся с лисой, безропотно выполнял роль переводчика, хотя ему были в диковинку некоторые слова: его лексикон не изобиловал техническими подробностями.

Как выяснилось, лиса раньше была человеком, причем из мира Гигаполисов, и более того, из Белого города.

И поэтому съесть сырое мясо или тем более убить грызуна клыками всегда было превыше ее сил. И несмотря на то, что она жила в этом теле уже довольно давно, так и не смогла пересилить себя. Потому и питалась всякими растениями, консервами и вообще ее рацион больше напоминал человеческий. Но иногда инстинкты брали свое, и хотелось поймать кого-то мелкого и съедобного.

Гайка при этих словах в очередной раз возблагодарила создателей за то, что ее генетическими предками не были реальные грызуны, а значит, и инстинкт хищников воспринимал ее, да и всех фурри, скорее как людей.

Мышка где-то читала, что придание животным человеческих черт с технической точки зрения было возможно, но гораздо продуктивнее оказалось идти от противного: взять геном людей и немного «наклеить» на него звериные признаки вроде шерсти, хвостов, клыков и прочих атрибутов.

Раздался голос Рейнбоу Дэш:

– То, что она ни фига не лиса, было ясно почти сразу. Мышей ловить не умеет, не хитрит…

Гайка улыбнулась:

– А мы думали, что ты спишь.

Рейнбоу, так и не соизволив повернуться, ответила:

– Сплю, сплю. Не мешайте мне.

Мышка только с улыбкой покачала головой. Рейнбоу была, мягко говоря, неискренна в том, что касалось безразличия к истории Олли, но просто не признавалась.

Но наставало время более серьезных вопросов. И если прошлый был, в общем, всего лишь праздным любопытством, то теперь…

Гайка вздохнула и решилась:

– Скажи, почему ты бросилась защищать Рейнбоу от этого волка? От меня без бластера толку было маловато, но это же был ее страх…

Перевертыш, как обычно, посмотрел в глаза лисичке, а потом повернулся к Гайке:

– Она спрашивает, с чего вы взяли, что этот волк был только страхом Рейнбоу?

– Но как же… – растерялась мышка. – Это же… – покосилась на продолжающую притворяться спящей Дэш и понизила голос, – Алекс Вендар?..

Лисичка что-то то ли проскулила, то ли прорычала.

Перевертыш спокойным голосом перевел:

– Дэш и доктор Салазар – не единственные его жертвы.

Гайка изумленно уставилась на когда-то белую лисицу:

– Так он тебя… убил?

Последовала пауза. То ли лисица говорила долго, то ли пыталась вспомнить: по выражению мордочки было сложно судить.

Но потом она посмотрела на перевертыша, и тот перевел:

– Нет, но она бы была не против, если бы все закончилось так, – и не успела Гайка придумать новый вопрос, как собеседник продолжил. – Алекс не являлся основным страхом. Лишь сокрушительным следствием массы неправильных решений и желания не вмешиваться в решение собственной судьбы… Что бы это ни значило.

Перевертыш вдруг замолчал, видимо, выслушав ответ лисы, и отвел взгляд.

Он ничего не говорил, но Гайка догадалась, как лиса покинула свой мир, и ее сердце наполнилось печалью и сочувствием…

– Так значит, ты нашла нас неслучайно?

Теперь перевод последовал почти незамедлительно, и голос перевертыша как будто стал холоднее обычного:

– Она говорит, что случайного в этом мире ничего по определению нет. И что вам об этом талдычат с самого начала Пути, да только вы слушать не хотите.

Олли при этом бросила на мышку укоризненный взгляд.

Гайка, которую эта мысль, как ни странно, не посетила, смущенно отвела взгляд и спросила:

– Так ты… все же проводник? Или типа того?

Олли покачала головой, а перевертыш сказал:

– Она такая же Идущая, как и вы. И речи у нее нет потому же, почему Дэш не может летать.

– А как же вышло, что ты ее понимаешь? – спросила Гайка.

Настала очередь «переводчика» смутиться:

– Я не знаю… и Олли не знает, я ее спрашивал. Наверное, так случайно вышло…

Он вдруг замолчал и переглянулся с лисой.

Гайка спросила:

– Никаких случайностей, да?

– А когда это ты успел ее расспросить? – подала голос Рейнбоу, все также не поворачиваясь к собеседникам.

– Пока сидели под завалом, – пояснил перевертыш, поочередно осмотрев всех собеседниц, – и

пытались откопаться по мере сил. И знаете что, девочки? Мне все больше нравится мысль Рейнбоу отдохнуть как следует, а с утра пораньше двинуться в путь.

– Или ты просто не хочешь продлевать этот тупой разговор, – буркнула Дэш, устраиваясь поудобнее

– Это в меньшей степени, – перевертыш не смутился или не подал вида. – Главным образом, я считаю, что нам всем есть над чем подумать, да?

– Я… пожалуй, соглашусь, – сказала мышка, переглянувшись с Олли.

– Я тоже, если это поможет вам, наконец, заткнуться, – добавила Рейнбоу Дэш, но никто не обиделся.

Видимо, мысли и вправду одолевали всех, потому что разговоры как-то стихли сами собой. И когда оба солнца закатились за горизонт, весь лагерь уже либо спал, либо просто погрузился в собственные думы…

http://tl.rulate.ru/book/82091/2554367